

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Игры профессионалов / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2019. — 368 с. — (Абдуллаев. Детектив на все времена).

ISBN 978-5-04-105124-2

После распада СССР в одночасье разрушилась вся система советской зарубежной резидентуры, и разведчик Дронго уже стал думать, что о нем попросту забыли. Но о профессионалах столь высокого класса не забывают – они нужны любой власти. И вот Дронго получает долгожданный сигнал. Новое руководство поручает ему проверить состояние резидентуры в Индии и Пакистане – есть подозрение, что ее подрывает изнутри неизвестный предатель. Однако лишь только агент приступает к работе, он обнаруживает, что за ним плотно следят. Кто?.. Операция сверхсекретная, и знают о ней только свои. Тогда зачем?.. Разведчик не успевает ответить на этот вопрос, как убивают его связного. Капкан для Дронго поставлен...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105124-2

© Абдуллаев Ч. А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Игры профессионалов

...Сказала, что если бы я и знала правду, то и тогда не стала бы вам мешать. Сказала, что вы действовали из самых лучших побуждений, а не ради того, что кто-то ждет глобальной войны, которая может и не произойти. Этот болван, наряженный полковником, заикнулся было о «нашей родине». А я сказала: «Что вы подразумеваете под словом «родина»? Флаг, который кто-то выдумал двести лет назад? Епископский суд и тяжбы о разводе, палату общин, где стараются перекричать друг друга? Или же БКТ¹, Управление английских железных дорог и кооперативы? Вы-то, наверное, думаете, что ваша родина — это ваш полк, если вообще даете себе труд подумать, но у нас с ним нет полка — ни у него, ни у меня». Они пытались меня прервать, но тогда я сказала: «Ах, простите, совсем забыла. Вы уверяете, будто на свете есть нечто более высокое, чем родина! Вы внушаете нам это всеми вашими Лигами Наций, Атлантическими пактами, НАТО, ООН, СЕАТО... Но они значат для нас не более, чем всякое другое сочетание букв. И мы вам уже не верим, когда вы кричите, что вам нужны мир, свобода и справедливость. Какая там свобода? Вы думаете только о своей карьере!»

Грэм Грин «Наш человек в Гаване»

Глава 1

Он был убежден, что о нем забыли. За последние восемь месяцев не было ни одного звонка, ни одного вызова. Приученный жить в постоянной готовности, он в первое время добросовестно выполнял все указания по конспи-

¹ БКТ — Британский конгресс тред-юнионов.

рации, не забывая раз в неделю являться к условленному месту. Все было тщетно. Связных не было, телефонных звонков тоже. Он пытался предугадать, когда раздастся очередной звонок, внимательно следя за сообщениями газет и выпусками последних новостей. Но его не вызывали. Даже тогда, когда, казалось, кроме него, никто не сможет разрешить этот вопрос, дать необходимую консультацию. Проклятый телефон молчал, а связные упорно не выходили на связь. До августа это его беспокоило, после двадцать второго он начал волноваться. Неудачный переворот в Москве больно ударил по его несостоявшейся карьере и, более того, поставил под сомнение всю его дальнейшую деятельность — деятельность профессионала высшего класса.

Он был не просто разведчиком или аналитиком, работающим на КГБ. Он был одним из профессионалов, о которых даже в КГБ ходили легенды. Несмотря на строжайшую конспирацию, в любой разведке мира существует вероятность провала агента или всей агентурной сети. Перебежчик, двойной агент, просто неудачный связной способны

загубить лучшего агента, подставляя его другой стороне. После серии болезненных провалов, связанных с изменой резидентов КГБ сразу в нескольких европейских странах, стало ясно, что замыкать агента на самой структуре разведки невыгодно, иначе говоря — нерентабельно. Лучших профессионалов готовили десятилетиями, а один предатель мог поставить под угрозу этот бесценный капитал. Особенно болезненными для КГБ были измены Гордиевского, выдавшего большую агентурную сеть в Англии и в ряде стран Европы, и генерала Полякова, работавшего до своей поездки в Дели в разведшколе ГРУ и знавшего немало «интересного». Но даже они, эти люди, принадлежавшие к высшим эшелонам разведки, не могли знать о специальных агентах Комитета госбезопасности. Не зачисленные в штат разведки, никогда не обучавшиеся ни в одной из многочисленных школ КГБ, где, несмотря на сверхконспирацию, могли остаться их следы, не входящие в контакт с другими агентами, спецагенты были высшими профессионалами, о существовании кото-

рых знали лишь несколько человек в высшем руководстве КГБ.

Одним из таких агентов, засланных разведкой ГДР, полностью перенявшей советский опыт, был консультант Вилли Брандта по вопросам разведки. Скандал был грандиозный и стоил канцлеру его политической карьеры. О деятельности этого агента знали три-четыре человека в ГДР и несколько человек в КГБ СССР. Маркус Вольф, бывший начальник разведки ГДР, старался не посвящать никого более в курс дела. Тесно связанный с высшими руководителями КГБ и хорошо осведомленный о многих секретах комитета, он бежал после неудачного августовского путча в Австрию, но, поняв бесперспективность своего положения, сдался федеральным властям. Можно только догадываться, о чем мог рассказать Маркус Вольф западногерманским властям и почему его столь охотно дважды отпускали на поруки, несмотря на протесты прокуратуры Германии. Бегство Вольфа стоило КГБ потери еще целого ряда агентурных сетей в странах Восточной Европы.

Ч. Абдуллаев

■ К счастью, Вольф никогда не слы-

шал о Дронго, иначе интерес к себе тот давно бы почувствовал. Но «почтовый ящик» был по-прежнему пуст. Агент, выходящий с ним на связь, никогда не знал, с кем именно он общается. Его невозможно было вычислить, даже если связной оказался бы предателем. Связной должен был ставить в условленном месте необходимый знак, и он, проходя мимо этого достаточно многолюдного места, замечал сигнал вызова. Даже если за этим местом велось самое тщательное наблюдение, такая операция не смогла бы его разоблачить... Все было предусмотрено для сохранения его инкогнито. Вся сила этих нескольких профессионалов была в том, что о них никто не знал. Именно благодаря этому на них могли выйти только в результате провала в проводимой ими операции. Но такие срывы случались крайне редко. Их личных дел не было нигде, ни в одном, даже самом засекреченном отделе КГБ. В этом была их сила. После августа 91-го это стало их слабостью.

О его существовании знали несколько человек в КГБ. К несчастью, он знал, кто именно. Крючков и Грушко были арестованы в результате неудачной по-

пытки августовского переворота. Генерал Леонид Шебаршин, профессиональный разведчик и его бывший непосредственный шеф, был уволен из органов КГБ. Еще один — полковник Смородин, знавший о существовании Дронго, скончался от инсульта. Оставались еще трое, некогда работавшие с ним. Но они не знали ни его настоящего имени, ни профиля выполняемых им задач.

Итак, к сентябрю, после смерти Смородина, он остался один. Это была абсолютно глупая, идиотская ситуация, в которую только мог попасть профессионал его класса. Идти в КГБ, к новым людям, доказывать, что ты профессионал, просто смешно. Самому выходить на связь невозможно. Он пытался это сделать трижды, оставляя сигнал о срочном контакте, но «почтовый ящик» молчал.

Связные, не получавшие заданий от нового руководства, более не появлялись в условленном месте. Сентябрь и октябрь тянулись невыносимо долго. Привыкший к нестандартным ситуациям, он мучительно размышлял над абсурдностью положения, в которое попал. Своеобразная сложность заключа-

лась и в том, что подобная ситуация застала его дома, на работе, к которой он уже привык, в коллективе, где он работал последние годы, часто выезжая в зарубежные командировки.

Он мог оставаться просто советским человеком, занимающим определенное положение в обществе, имеющим свой круг общения, своих друзей и соседей. Никто из его близких никогда не догадывался об истинном призвании Дронго. Но эти осенние дни 91-го года были самыми тяжелыми в его жизни.

Когда наконец он увидел знакомый сигнал, он не поверил самому себе, решив, что это случайность. Для профессионала его класса это было недопустимое нарушение. Но он, переждав неделю, увидел второй настойчивый сигнал и понял — он кому-то понадобился.

Вместе с чувством облегчения пришло и чувство тревоги. Откуда они могли знать о его существовании? Где, в какой цепи мог произойти сбой? Неужели он и его бывшее руководство, предусмотрев все возможные варианты, где-то просчитались? На встречу он поехал в напряженном и нервном со-

стоянии, не зная толком, радоваться ему или тревожиться. Впрочем, это в любом случае было концом неопределенности.

Глава 2

Начинающийся сильный дождь вынудил его ускорить шаг, и через несколько минут он уже входил в подъезд небольшого трехэтажного дома. По привычке, входя в дом, он оглянулся. Улица была пуста, и только на противоположной стороне по тротуару весело бежали две девушки. Проводив их взглядом, он еще раз оглянулся и вошел в дом.

Запах пыли и плесени сразу ударил в ноздри, пока он поднимался вверх. На третьем этаже он еще раз оглянулся и постучал. Дверь открыли почти сразу, как будто его ждали. Он кивнул незнакомцу, проходя в коридор. Незнакомец — здесь всегда были неизвестные и безликие сторожа — посторонился, уступая дорогу. Лишних слов не требовалось. Здесь знали, кто должен прийти. Впрочем, посторонний человек сюда не заходил. Его бы просто не пустили.

■ Он вошел в большую комнату, где

уже сидели двое. Это была странная комната, расположенная в центре квартиры и бывшая ранее частью большой залы. В ней не было окон, и неяркий электрический свет создавал причудливые образы находившихся в этой комнате людей, отбрасывающих неправдоподобно длинные тени.

— Здравствуйте, — просто сказал он, — я приехал.

— Проходите, садитесь, — радушно пригласил его один из «хозяев», если в этой комнате вообще могли быть хозяева. Второй молча, испытывающе смотрел на него.

Он снял плащ, бросив его на кресло в углу, и сел за стол, с любопытством осматриваясь вокруг.

— Эта комната как будто не меняется, — попытался улыбнуться он, стараясь несколько смягчить обстановку.

Его поняли.

— Специфика нашей работы никогда не меняется, — улыбнулся первый, вернее попытался улыбнуться.

«Мы всегда только пытаемся улыбаться, — подумал гость. — Это тоже специфика нашей работы».

— Я приехал по вызову, — кратко